

в Италии. Говорят, его занесли с Востока. Тело императора покрыто кровавыми струпами. Он гниёт заживо. Голос его похож на рычание дикого зверя...

— А врачи, лекари, колдуны? — еле выговорила Фаустина.

— Это — проказа. От неё нет исцеления, — безнадёжно покачал головой Сульпиций. — Никакие снадобья, настои из трав, заговоры... Всё бессильно.

Мария помогла Фаустине подняться. Голова Фаустины тряслась, а руки беспомощно ловили что-то в воздухе.

Мария поглядела на мужа через плечо Фаустины.

— Не думаешь ли ты, что это знак Божий? — тихо спросила она.

— Да, Мария, наверное, это так. Теперь ты должна рассказать всё. — Доместиан на миг задумался. — Может быть, ради этого Господь помог нам переплыть море и отыскать эту хижину. А потом привёл Фаустину к нашему порогу.

— Послушай меня, матушка, не печалься так... — Мария с нежностью пригладила растрёпанные волосы старухи. Мария замолчала, собираясь с силами. А когда она за-

говорила, голос её странно зазвенел. — Я... я тоже была прокажённой!

— Ты?! — воскликнул Сульпиций. — Маленькая лгунья! Ты смеёшься над нами! Но зачем тебе это? О, я вижу, ты хитрое, злое создание!

Сульпиций посмотрел на неё недоверчивым, испытующим взглядом.

Мария казалась совсем девочкой. Блестящие чёрные кудри рассыпались по плечам, ловя лучи уходящего солнца. У неё было прелестное лицо, чуть тронутое загаром, нежное, как золотистая лилия.

— Продолжай, — нетерпеливо приказал Сульпиций.

— Я родилась в пещере, высеченной в скале. — Мария справилась с волнением и взглянула на Сульпиция с доверчивой искренностью. — Я не помню лица своей матери, оно всегда было замотано каким-то тряпьем. Но её руки в ранах и язвах, как ласково они баюкали меня! По законам Палестины прокажённых изгоняли из городов и селений. Мы ютились в гробницах и расщелинах скал.

И вот однажды до нас дошла дивная весть: в галилейском городе Назарете явил-

ся великий пророк. Он несёт божественную благодать, он исцеляет больных и расслабленных. Говорили, он воскресил умершего по имени Лазарь. Все пришли в смятение. И что ж? Мучительная болезнь озлобила души людей, сделала их недоверчивыми. «Никому не дано исцелить проказу! — кричали несчастные. — Зачем обманывать себя напрасной призрачной надеждой!»

И лишь одна я сразу поверила в пророка из Назарета. Родителей моих к тому времени уже не было в живых. День и ночь какой-то таинственный голос шептал мне: «Ступай и найди его!..»

Уж не знаю как, изнемогая от жажды, я пересекла безводную пустыню и вышла на заросшую зелёными травами равнину. Я спрашивала встречных: где город Назарет? Но они с воплями и проклятьями бросались прочь от меня. Тогда я стала прятаться в густых травах, не зная, что же делать.

И вот однажды я увидела путника, идущего по дороге мне навстречу. Полуденное солнце светило прямо в глаза, и я не могла хорошенько разглядеть его. Мне только показалось, что у него мягко вьющиеся волосы, он высок ростом и одет в простую одежду из небелёного холста.

Я выползла из травы, как дикий зверёк, и крикнула:

— Не приближайся ко мне! Я больна проказой. Только скажи, не знаешь ли ты, где найти пророка из Назарета?

— Не бойся и подойди ко мне, — ласково проговорил незнакомец. — Скажи, дитя, зачем ты его ищешь?

— Я верю, что он исцелит меня, — робко ответила я, стыдясь своего обезображенного лица, пряча изъеденные проказой руки в складках одежды.

Незнакомец тихо положил руку мне на голову.

Я стояла молча, удивляясь, как это он не боится прикоснуться ко мне. Ведь проказа прилипчива, как смола, и ничуть не легче чумы. Только она пожирает несчастного не сразу. А вот он совсем не боится... Совсем не боится... Так я стояла и думала, пока он не убрал руку. И все же я сказала ему:

— Вот ты положил руку мне на голову, но разве ты можешь помочь? Ведь ты же не пророк.

— Там в долине большой город. — По его голосу я догадалась, что он улыбается. — Сейчас город накрыла тень облака и ты его

не видишь. Ступай туда и покажись священникам.

Я подумала с грустью: «Вот и он насмехается надо мной, потому что я верю в чудесное исцеление».

Не оглядываясь, я пошла дальше.

«Что толку идти в город? — думала я. — Всё равно стража у ворот с бранью и угрозами прогонит меня».

Тут я услышала мягкий цокот копыт по травянистой дороге. Со стороны города ехал всадник на тонконогом породистом коне. В руке он держал украшенный золотом щит. Он был молод и хорош собой.

Когда он уже был так близко, что мог слышать меня, я крикнула:

— Придержи коня! Держись подальше! Я больна проказой. Ты только скажи, где мне найти пророка из Назарета?

Но юноша, не спуская с меня глаз, подъехал совсем близко.

— Ты самая прелестная девушка во всей Иудее! — Он наклонился ко мне. — Клянусь богами, ты свежа и чиста, словно только что распустившийся цветок!

Тут я не выдержала и громко расплакалась.

— Ты же видишь, я похожа на безобразное чудище! Грешно смеяться над несчастной.

Тогда он опустил свой щит, весь украшенный золотыми пластинками.

— Посмотри-ка сюда, — сказал он. — Они блестят, как зеркала. Ну, взгляни же!

Я посмотрела и увидела отражение красивой девушки. Кожа её была нежна, точно крылья серебристой бабочки, а глаза светлы и прозрачны под чёрными ресницами.

— О счастливица... — прошептала я. — Как она прекрасна! Я даже не смею завидовать ей... Кто это?

— Это ты! — дрогнувшим голосом сказал всадник.

Тогда я поспешно оглянулась назад и посмотрела вслед уходившему незнакомцу. Дорога вилась между молодыми оливами. Солнце позолотило глянцевитые листья, и они искрились и блестели. Но мне показалось, незнакомец сам излучает сияние, он уходил, исчезал в полной света оливковой роще.

— Не знаешь ли, кто этот незнакомец? — торопливо воскликнула я. — Взгляни скорей, сейчас он скроется за стволами олив!

— Это тот, о ком ты только что спрашивала, — удивлённо ответил мне юноша. — Это пророк из Назарета...

Мария умолкла. Она опустилась на землю возле Фаустины, обняла её, прижалась щекой к её колену.

— Матушка, матушка, ты веришь мне? — прошептала она, заглядывая ей в лицо.

— Но как же вы очутились здесь, так далеко от Иудеи? — спросил Сульпиций.

Суровое лицо его смягчилось. Видно было, что даже он изумлён и растроган.

— Довольно, родная, успокойся. — Доместиан с нежностью посмотрел на Марию. — Теперь я расскажу, что случилось дальше. Видно, сам Господь Бог наставил меня отправиться в это утро верхом по зелёной равнине к оливковой роще. Иначе я не встретил бы своего счастья. Я посадил Марию на лошадь, мы спустились в долину и въехали в город. Там Мария отыскала священников и открыла им чудо своего исцеления. Она протянула к ним руки, обнажённые до плеч, белые, как мрамор. Она показала им свои маленькие босые ноги, израненные и исколотые, но без единой язвы.

Но нет! Священники не верили, что она исцелилась. С яростью, с бешеной злобой накинулись они на бедняжку.

— Проклятая, мы знаем тебя! Возвращайся, откуда явилась! Ты погубишь нас всех.

Бледная, как лилия на рассвете, потрясённая, растерянная, Мария вновь и вновь рассказывала им о пророке из Назарета.

— Кто он такой, чтобы делать чистыми нечистых? — бесновались и грозили они. — Это всё наваждение сатаны! Прочь из нашего города, лгунья и обманщица! Горе тебе, если ночь застанет тебя в наших стенах!

Но я видел, девушка еле держится на ногах от усталости, и отвёл её в свой дом. Я услышал тихий шорох и лёгкие шаги. Друзья, не сказав ни слова, торопливо покинули мой дом. Слуги, угрюмо бормоча угрозы, разошлись, служанки с визгом разбежались. На всех площадях и перекрёстках люди судачили, что я приютил у себя прокажённую.

Ночью я проснулся от нестерпимого жара и воя огня. Вокруг всё трещало и рушилось. Дом пылал, подожжённый с четырех сторон.

На руках, как ребёнка, вынес я Марию из горящего дома. Я едва успел спуститься в сад, как с грохотом обвалилась кровля. От дома осталась груда раскалённых углей, в пепел превратилось мое богатство. Денег хватило лишь на то, чтобы уломать кормчего небольшого парусника перевезти нас через море в Италию.

Я и Мария тайно крестились. Мы стали христианами и с тех пор скрываемся здесь, вдали от людей, в глуши Сабинских гор.

— Теперь мы знаем: имя пророка из Назарета — Иисус! — Мария посмотрела на Фаустину ясными, сияющими глазами. — Он исцелил меня, он исцелит умирающего императора...

Двое всадников ехали по дороге от Яффы к Иерусалиму. Это была пожилая женщина, а рядом с ней седоволосый молчаливый старик. Теперь Фаустина была одета как знатная римлянка, её великолепный конь ступал легко и плавно.

Надежда спасти императора придавала ей силы.

«Того, что мне нужно от этого чужеземца, нельзя добиться силой и нельзя купить за деньги, — думала Фаустина. — Нет, я паду

к его ногам! Кто ещё на свете может умолить его? Только я одна. Потому что старая кормилица не меньше самого императора страдает от его несчастья...»

Была весна, и долина Сарона, по которой они ехали, вся пестрела цветами, как раскинутый по холмам восточный ковер. Кругом зеленели молодые побеги винограда; персиковые деревья, все в бледно-розовых цветах, наклоняли ветви над дорогой и, казалось, даже их сквозные тени источали благоухание.

Чем ближе они подъезжали к Иерусалиму, тем больше им попадалось людей — пеших, верхом и в повозках.

Дряхлый старец словно плыл над толпой, взгромоздившись на верблюда. Он улыбался беззубым ртом, а рядом шли его дети и внуки.

Странники стекались к городу с просёлочных дорог, спускались по тропинкам, вьющимся по холмам. Они соединялись в большие толпы и дальше шли уже все вместе, напевая вполголоса древние таинственные гимны.

Небо подёрнулось тонким слоем бледных облаков, но этот матовый свет и словно оста-

новившийся воздух смягчали жгучие лучи солнца.

— Право же, Сульпиций, можно подумать, весь народ от мала до велика отправился в Иерусалим, — оглянувшись, сказала Фаустина.

— Похоже, что так, — как всегда хмуря брови, ответил Сульпиций. — Позволь, я поеду впереди, чтобы эти люди расступились и пропустили тебя.

Фаустина, вглядываясь в толпы людей, окружавших её, невольно заражалась их нетерпением и радостью.

— Моя милая девочка, моя Мария, говорила, что в эти дни в Иерусалиме большой весенний праздник, — вспомнила Фаустина. — Да, да, так она говорила! И пророк из Назарета каждый год приходит в город на этот праздник.

— Что ж, если так, то боги покровительствуют тому, что ты задумала. — Сульпиций зорко взглянул на Фаустину, она заметно начинала уставать.

Наконец они достигли вершины горного хребта, и Фаустина невольно придержала своего коня. Перед путниками открылась глубокая долина, окружённая со всех сторон

зеленеющими холмами. А из её тёмной тенистой глубины поднималась могучая скала, на которой высился Иерусалим. Тесный город, окружённый стеной, сверкая на солнце башнями и кровлями, словно драгоценная корона, венчал плоскую вершину скалы.

— Может быть, мы раскинем шатёр, и ты передохнёшь немного, Фаустина, — предложил Сульпиций. — Ты что-то бледна, и я вижу, как бьётся жилка у тебя на виске. Не будет большой беды, если мы завтра...

— Нет, друг мой Сульпиций, — нетерпеливо прервала его старая женщина, — этой ночью мне приснился император. Он заклинал меня не задерживаться в пути. Я чувствую, что должна торопиться.

Они спустились по извилистой тропинке до самого дна долины и начали крутой подъём вверх по склону горы Сион. Миновав городские ворота, всадники очутились в узких двориках на извилистых улицах, тесно заполненных людьми. Ехать верхом было почти невозможно. Им приходилось останавливаться на каждом шагу.

— Мне кажется, — заметила Фаустина, — улицы Рима в сравнении с этими закоулками просто тихие сады.